

Константин Шаров

Проблема классификации этнического национализма

У подобной лжеполитики есть своя казуистика, не уступающая лучшей иезуитской школе...

Иммануил Кант. «К вечному миру»

Народ в чередe веков... надо воспринимать как одного человека, непрерывно существующего и все время усваивающего уроки прошлого.

Блез Паскаль. «Письма к провинциалу»

Проблема национализма — одна из наиболее остро стоящих в мире постмодерна. При этом для ученых, занимающихся изучением феноменов нации, национализма и национальной идентификации, представляет большой интерес классификация таких сложных и многомерных явлений.

В настоящее время существует множество классификаций национализма. Если не отступать от широко распространенного деления национализма на этнический (чувство этнического единства, национализм масс, национальная культура и т.п.) и государственный (политика и идеология националистических элит, правящих кругов) [Бройи 2002: 201; Smith 1989: 340], следует отметить, что большинство современных национализмов включает моменты и того, и другого, а иногда — и обоих сразу. К тому же иногда наиболее «гражданские» и «политические» национализмы оказываются лишь надстройкой над этническим фундаментом. Между тем часто бывает и обратное: этническое прошлое, культурные традиции являются изобретением и артефактом нацио-

Константин Сергеевич Шаров

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

налистической политики. Поэтому деление национализма на «гражданский» и «этнический» если и удовлетворительно для публицистических заметок, для тщательного научного исследования представляется недостаточным.

Одна из наиболее обоснованных версий классификации национализма предложена английским исследователем, профессором Лондонской школы экономики Энтони Д. Смитом в одном из его первых исследований «Национализм». Для проведения различия между существующими употреблениями термина «национализм» Смит выделяет следующие его разновидности, основываясь на различии между теоретическими и практическими аспектами деятельности националистов:

- 1) доктрина и идеология;
- 2) движение;
- 3) чувство;
- 4) процесс строительства нации;
- 5) символ и язык [Smith 1973: 3].

Трудно понять, что Смит вкладывает в понимание национализма как символа и языка (5). Скорее, многообразие символов и языков следует считать одним из инструментов национализма. Различая националистические доктрины, идеологии (1) и национализм как движение (2), Смит не приводит убедительного описания механизмов функционирования национализма в том и другом случае. И, наконец, выделяя в отдельный пункт национальное чувство (3), исследователь, по-видимому, не задается вопросом, возможна ли успешная мобилизация националистами основной части населения на создание нации (2) без наличия у масс устойчивого национального чувства (3). Пункты (2) и (3), таким образом, едва ли возможно разделить.

Я предлагаю несколько иной подход, который в качестве основополагающего принципа разграничения имеет различие уровней восприятия национализма представителями той или иной социальной группы:

- 1) миф и мифология;
- 2) теория и идеология;
- 3) политическая (государственная) доктрина и практика;
- 4) причина формирования наций;
- 5) защитный барьер наций.

Любой современный вариант национализма очень часто включает все пять составных частей, в то время как преднациональные национализмы часто были редуцированы до одной или нескольких форм.

Национализм как миф

Для адекватной интерпретации мифической составляющей национализма определимся вначале с трактовкой мифа как такового. Миф — это не ошибка, не неточность и не заблуждение, он одинаково характерен и для первобытных времен, и для современного постиндустриального мира, он присущ человеческому мышлению так же, как категории рассудка или формы наглядного представления Канта, так же, как врожденные идеи Декарта. Разница лишь в том, что сознание людей, живших в отдаленные периоды истории, кроме мифов ничего не знало, а с античности узнало и логичный стиль мышления. Наибольшей демифизации общество достигло в первой половине XIX в., что отмечает Хейзинга [2004: гл. 11], тогда как современность представляет собой пример нарастания роли мифа в жизни социума, а современное постмодернистское общество сплошь мифологизировано. Появление Логоса, увы (или к счастью!), нисколько не упразднило Миф. Сознание и самосознание человека практически *любой эпохи* настолько же мифологизированы, насколько и рассудочны. Более того, Ролан Барт полагает (и, по-моему, вполне оправданно), что миф совсем не противоположен рассудку, а часто сопутствует рассудочному мышлению, образуя неделимую пару в мыслительном процессе. «*Мифом может стать все, что покрывается дискурсом*», — отмечает этот культуролог [Барт 2000: 233], стирая границы между логикой и мифологией.

Итак, тогда что же такое миф? Ясно, что трактовать миф как «засорение» или некий «идол» разума, как это предлагал делать Бэкон [1999], не совсем правильно, если не сказать — совсем неправильно, учитывая неуничтожимость и невозможность «изгнания» мифа из сознания. Точно так же миф — это не чувственный способ абстрагирования, на чем настаивал Гегель [2001: т. 1, секция V]: миф очень часто не содержит никаких абстракций. В то же время миф — это не только слово, как считает теоретик и практик мифологии Барт [2000: 233]. Ведь миф не только знание, или, лучше сказать, ведение некоей истины, но и один из наиболее эффективных способов действования.

Конечно, я не предлагаю считать миф *в первую очередь* действием, подобно тому как Мефистофель, возражая Фаусту, заявлял, что «вначале было Дело», однако этот аспект мифа нельзя отбрасывать как малозначающий. Один из авторитетных современных исследователей мифологий В. Найдыш утверждает, что миф — культурная универсалия. «*Мифотворчество — универсальная форма, момент способа бытия человека в мире*» [выделено мною. — *К.Ш.*], — говорит этот исследователь и

добавляет: «*Миф — неотъемлемая часть цивилизации*» [Найдыш 2002: 26–27]. Итак, под мифом будем понимать:

- 1) определенный способ восприятия реальности;
- 2) способ создания идеального и гармоничного мира, представляющего собой подобие реальности;
- 3) основанный на этом способ действия.

Националистический миф в широком смысле — основа любого национализма любой исторической эпохи. В этом смысле прав Г. Гачев, называющий национальный миф «*энтелехией нации*» [Гачев 2000: 13]. На каждом уровне существования национализма националисты вырабатывали (сознательно или бессознательно) свои приемы и правила воздействия на социальное сознание, но наиболее глубокого внедрения в него национализм достиг именно на первом, мифологическом уровне из-за того, что любой миф воспринимается гораздо легче, глубже и полнее, чем дискурсивный элемент. Националистическая мифология является одним из наиболее эффективных способов структурной и смысловой организации социальной реальности. Курт Хюбнер отмечает, что «*без мифических структур мы словно слепые*» [Хюбнер 2001: 355]. Поэтому особенности восприятия националистических идей на этом уровне стали характерны не только для данного уровня, но частично и для последующих уровней. Основные из этих особенностей:

- 1) принятие мыслей об уникальности, а иногда и превосходстве, избранности, божественности своего сообщества членами племени, этноса, нации;
- 2) чувство духовного родства, единения между *практически всеми* представителями этого сообщества;
- 3) стихийность, спонтанность и неосознанность отстаивания ими этих мыслей;
- 4) отсутствие у них каких бы то ни было критических размышлений о причинах и истинности своих «уникальности», «превосходства»;
- 5) отстаивание мыслей о необходимости обладания собственной территорией (не важно, реального или вымышленного), а также воспоминания и мечтания об этнической родине, «земле обетованной».

Легко заметить, что некоторые из данных положений совпадают с выделенными Энтони Смитом перманентными лейтмотивами, присутствующими, по его убеждению, в любой форме национализма:

- 1) идеалами национальной автономии;
- 2) национального единства;
- 3) национальной идентичности [Smith 1983].

Если допустить, что подобные «лейтмотивы» были характерны не только для эпохи национального мира, но присутствуют и в разнообразных вариантах этнификации, то они совпадут, соответственно, с моими пунктами (5), (2) и (1).

Показательно, что первоначально данные особенности были свойственны национализму именно как комплексу мифических конструкций, поэтому они приобретали *ценностную* природу, которая, вообще говоря, неотъемлема от любого мифа. По этой причине я включил в их список элементы социальной психологии, которые помогают создать до некоторой степени целостную картину восприятия националистического мифа и объяснить его необычайно широкое распространение, а также колоссальную преобразовательную социальную силу. Отсюда, от ценностного начала национализма-мифа, не подчиняющегося критериям истины и ложности, как раз проистекает упомянутая мной легкость восприятия, «понимания», «прочувствования» национализма. Стремясь вынести оценочные суждения, опираясь на националистические мифологии, индивид или социальная группа попадает в ловушки «заинтересованности» и «непосредственного участия» в создании нации. Эти ловушки подстерегают индивидуальное и общественное сознание из-за того, что оно проявляет непосредственный интерес к процессу национальной идентификации. Оценка этого процесса становится возможной благодаря национализму как мифу. Тем самым националисты-мифотворцы ненавязчиво заполняют националистическими идеями восприятие реальности индивидом или социальной группой, представляя национализм как единственное для человека средство проявлять свободу суждений в отношении этничности/национальности. Своя национальность при этом представляется националистами положительно окрашенной, а чужеродная зачастую позиционируется как негативная.

Ряд современных исследователей национализма полагает, что для создания и поддержания основ этнической и национальной идентификации необходимы так называемые *мифосимволические структуры*, поскольку они действуют как символические границы, отделяющие «нас» от «них» [Barth 1969]. Роль националистических мифов они сводят в основном к поддержанию мифосимволических комплексов, осуществляемому за счет легитимации идеи об уникальности происхождения. Так, Армстронг, склоняющийся в сторону перенационализма, упоминает об образовании некоего «движущего мифа» — *mithomoteur* (sic), который, «*будучи результатом слияния многих мифов в единое целое, определяет идентичность по отношению к конкретной организационной форме*» [Armstrong 1982: 8–9]. Допуская существование *mithomoteur*, Армстронг, по-видимому,

пытался наличием этого сверхмифа, заставляющего этнические группы развиваться в конкретном направлении, объяснить огромную длительность национального генезиса, описываемую в его работах сотнями, а иногда и тысячами лет. С историко-конструктивистской точки зрения, согласно которой миф — это целенаправленная конструкция, образование и сохранение в этнической культуре этого *mithomoteur* очень сомнительно.

Во-первых, образование единого движущего мифа предполагает радикальные трансформации и иногда даже исчезновение мифов, составляющих его. Но миф — структура крайне живучая, не исчезающая просто так, даже если при этом создается сверхмиф. Национализм-миф может лишь перейти в малоактивное состояние, «законсервироваться» до того времени, когда он вновь окажется социально востребованным и будет активизирован националистами.

Во-вторых, националистические мифологии той или иной нации зачастую включают диаметрально противоположные по смыслу, противоречивые мифы, общее действие которых в пределах одной социальной страты или класса в принципе невозможно, а «движущий миф» предполагает именно это.

Возьмем, к примеру, мифы наполеоновской империи. Какой единый *mithomoteur* можно сложить из националистических мифов, созданных императором: а) мифа о защите независимости отечества, борьбе с нациями-деспотами, предназначенного для интеллектуальных элит, б) мифа о титулах, наградах, деньгах и прочих монарших милостях, предназначенного для высшего армейского командования, в) мифа о «маршальском жезле в ранце солдата», предназначенного для солдатских масс, г) мифа о балах и раутах, предназначенного для аристократов и, в первую очередь, аристократок, д) мифа о нации, хранимой Господом, предназначенного для духовенства и всех верующих, е) мифа об освобождении от цепей векового рабства, предназначенного для угнетаемых представителей других национальностей, и т.д. и т.п. (я думаю, букв русского алфавита окажется мало для перечисления *всех* националистических мифов Наполеона). Армстронг, исследуя мифосимволические комплексы, забывает о мифе *per se* и о его неотъемлемых свойствах, хотя и говорит об устойчивости разнообразных мифов [Armstrong 1982: 283]. Здесь исследователь явно противоречит самому себе: если допустить устойчивость отдельных мифов, они не могут, исчезая, образовывать общий «движущий миф». Одно из главных неотъемлемых свойств мифа — это его адресность. *Mithomoteur* по определению не может быть воспринят всеми представителями национального сообще-

ства, поскольку он лишен конкретной адресности и в силу этого он по большому счету вообще не миф. Эффективность националистической мифологии отдельно взятой нации определяется — для удобства я воспользуюсь математическим термином — как векторная сумма отдельных мифов, а не простое сложение или слияние, как полагает Армстронг. Каждый миф находит восприятие в некоторой отдельной социальной группе нации и за счет этого оказывает наибольшее воздействие на представителей этой группы. Суммарный максимальный эффект объясняется не сложением мифов, а сложением эффектов, порожденных мифами.

Утверждая, что основные составляющие устойчивости национальных сообществ — это миф, символ и коммуникация людей [Armstrong 1982: 10–3], Армстронг, по-видимому, пытается проанализировать социальное действие мифосимволических комплексов. Конструируя/деконструируя эти комплексы, исследователь, с моей точки зрения, неправильно приписывает реальное существование отдельным символам и осуществляемому на их основе взаимодействию представителей этнического сообщества. Не стоит забывать, что любой символ не существует сам по себе, а обязательно включается в контекст некоторого мифа и в силу этого приобретает вполне определенное значение. В отрыве от мифа ни один национальный символ не несет конкретной интенции и не имеет конкретного однозначного смысла¹. Как отмечает Ольга Волкогонова [2000: 56], одни и те же национальные символы могут иметь разное значение в контексте различных мифологем, представляющих собой иерархичные уровни национального мифа. Миф вообще часто включает в себя символы как узловые элементы своей конструкции (конструкции, впрочем, не статичной, а динамичной): миф «играет» символами, выставляя их то в одном, то в другом свете, хотя и сохраняя их конкретное постоянное значение. Национальные символы, образы и история отношений между ними и обществом, включая порождаемые ими переживания, составляют неотъемлемую сущность националистических мифов.

Смит в «Этническом возрождении» выделяет *«миф общего и уникального происхождения во времени и пространстве, наиболее важный для чувства этнической общности, поскольку он отме-*

---

¹ Например, символ монарха-мученика, присутствующий в истории многих государств, только в России представлен сегодня как чуть ли не краеугольный камень всей *национальной* истории. Не менее впечатляющие символы страданий Карла I, и Генриетты, и Людовика XVI, и Марии Антуанетты не имеют практически никакого *национального* значения для Англии и Франции. Это объясняется тем, что история жизни и смерти Николая II и Александры аккурратно вписана различными идеологами российского национализма в национальный миф о «великой России» — «русскую идею».

чал момент основания истории группы, а следовательно, ее индивидуальность» [Smith 1981: 66]. Однако Смит ничего не говорит о создателях мифов, считая мифы некими органичными образованиями, живущими в социальной памяти и существующими словно *sui generis*: «Этнические общности образуются <...> ощущением преемственности, общей памятью и коллективной судьбой, то есть культурной близостью, воплощенной в мифах, <...> сохраняемых в памяти данной культурной единицы» [Smith 1991: 29]. Но националистические мифы, так же как и идеологии, имеют своих создателей — мифотворцев, деятельность которых направлена не только на то, чтобы сконструировать миф, но и на то, чтобы этот миф сам конструировал впоследствии гармоничную и убедительную картину сущностей, синтезируя ее из подходящего материала. «Функция мифа, — говорит Ролан Барт, — удалять реальность, вещи в нем буквально обескровливаются, постоянно истекая бесследно улетающей реальностью» [2000: 270]. Функция националистического мифа (добавлю от себя) — удалять из общества реальность происхождения, обескровливая факт рождения и исторического прошлого индивида, заменяя ее новой великой реальностью осмысленного выбора.

Именно национализм как миф, иногда до неузнаваемости искажая, почти отрицая реальность, порождая гамму национальных переживаний, мыслей и чувств, всегда претендующих на *беспорность*, вызывает стихийные общественные движения, являясь тем самым «национализмом широких масс», а не только творчеством интеллектуальных элит. Мифы нации пробуждают в социальном сознании ту страстность и горячность, с которой многие представители этой нации отстаивают националистические идеи. Те же мифы, вызывающие бурный всплеск чувств, объясняют широкую природу национальных движений и национальных пристрастий средних и низших классов и страт. В основном представители данных социальных групп, мало задумывающиеся об интеллектуальных националистических теориях или политических доктринах, мобилизуются националистическими мифологиями, которые облекаются в форму простых и всем доступных дискурсов, не требующих специальных знаний и высокого уровня образования.

Привлекательность национализма-мифа для обывателей объясняется еще и тем, что, усваивая его, они попадают в гармоничную, но вместе с тем заведомо «правдивую» национальную реальность, которая, как они полагают, является непосредственным продолжением славного этнического прошлого. Миф нации всегда включает в себя предшествующую историю, превращая ее в природный феномен *sui generis*, при этом, как

справедливо отмечает Р. Барт [2000: 255], миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует явно, его задача — деформировать этническую историю. Эта деформация приносит с собой естественность и непосредственность, простоту, но в то же время ясность обоснования националистических идей, что и вызывает необычайную эффективность национализма.

Национализм как теория и идеология

Ни один из современных национализмов не представляет собой голый миф, он обязательно облекается в иные «одежды». При формировании наций возникают разнообразные теоретические концепции, позволяющие ему неопределенно долго действовать в национальном сознании, подводя дискурсивный (или — гораздо чаще — квазидискурсивный) фундамент под свою сущность. В переносном смысле национализм представляет собой мифологическое изваяние, стоящее на квазирациональном постаменте. Это превращает национализм в практически неуязвимую конструкцию.

Дело в том, что существуют всего *три* способа интерпретации мифа (националистического в том числе). Первый — это способ, при котором, отталкиваясь от смысла мифа, находят для него форму. Это характерно для конструктора мифов. Второй способ заключается в тщательном отделении смысла мифа от его формы, чтобы увидеть деформацию заключенного в мифе понятия под действием этой формы. Это характерно для дешифровщика мифов, т.е. *мифолога*¹. Третий способ сводится к прочтению мифа как нераздельной целостности смысла и формы. Это и есть истинный путь социального действия мифа, который находит себе многочисленных последователей.

Люди, интерпретирующие националистический миф первым способом, составляют небольшую часть того или иного сообщества; это и есть националисты, причем они не обязательно *всегда* представляют собой политические или культурные элиты, хотя так бывает довольно *часто*. Ими с одинаковой легкостью могут становиться и аристократы, и маргиналы: в составе современного руководства Национальной ирландской республиканской армии большинство безработных, в то время как, например, кувейтские националисты-мифотворцы — представители наследственной аристократии. Читателей национализма-мифа, относящихся к третьей выделенной нами группе, подавляющее большинство. Пока процесс восприятия мифов нации проходит по принципу «от создателей к потребителям»,

---

¹ Этот термин предложил Р. Барт, хотя мне он кажется несколько неуместным и вызывающим неверные ассоциации. Однако постоянно говорить «дешифровщик мифов» не совсем удобно.

мифу ничего не угрожает. Но при развитии национальной концепции и при конструировании нации как таковой зачастую появляются группы людей, не включенных в национальные или этнические программы, но желающих предложить свои версии дальнейшего национального или, соответственно, этнического развития. Эти аутсайдеры — индивиды, а иногда даже большие социальные группы — в большинстве случаев начинают проводить тщательную дешифровку националистических мифов, порождаемых или давно порожденных «лидирующими» националистами, и представляют свои идеи на суд широкой общественности, пользуясь для этого сегодня все-сильными средствами масс медиа. При этом основа критики существующих национальных программ — квазирационализм, а свои альтернативные версии национализма «новые» лидеры водружают на квазирациональные постаменты. Старые дешифрованные мифы нации, оказавшись в ситуации конкуренции с новыми, облеченными в подобие дискурса, зачастую становятся социально неэффективными и уходят с арены общественных состязаний. Таким образом, националистические теории — это не только сопутствующие национализму-мифу элементы, но и независимый социальный инструмент. Конкретных иллюстраций функционирования этого инструмента немало. Например, подобная борьба «простых» мифов и мифов-теорий определяла историю развития многих латиноамериканских наций (Колумбии, Венесуэлы, Перу, Эквадора, Боливии и некоторых других) с обретения независимости вплоть до настоящего времени.

Необходимо отметить, что описываемая конфронтация мифов нации, определяющих дальнейшее национальное развитие, всегда носит до некоторой степени вымышленный характер. Ни о какой действительно рациональной критике мифов, конечно, не приходится говорить. Миф бессмысленно критиковать с позиций логики или историко-философского подхода — это все равно что пытаться с Земли изменять погоду на Венере. Миф и акроаматичность лежат в непересекающихся плоскостях, поэтому один миф нации можно уничтожить только некоторым другим соперничающим контрмифом той же или другой нации. Рассуждения националистов-аутсайдеров о рациональных теориях как раз призваны бороться с мифологиями националистов, оказавшихся востребованными в рамках строительства некоторого национального сообщества. Задача этих аутсайдеров — воздействовать на сознание большинства представителей своего сообщества, доказывать им, что теперь все представители имеют доступ к глубокой рациональности и национальной «философии».

Небывалый успех Якобинского клуба в начале 1790-х гг. объяс-

няется именно этим: ни Людовик XVI, возглавлявший вначале курс радикальных преобразований государства, ни Жиронда, перехватившая у него инициативу, не понимали важности вовлечения в *рациональный* национальный проект представителей средних и низших классов. В то же время Робеспьер и Сен-Жюст основывали свою программу именно на этом. Якобинцы убеждали любого мелкого лавочника, едва умевшего написать с десятью ошибками вывеску на своей лавке, что он так же мудр, как Платон, поскольку разбирается в *логике* и *философии* национального строительства. И это приводило к более действенным результатам, чем попытки Дантона и де Мулена публиковать в газетах статьи в защиту национальной идеи на идеологическом уровне. Пример Французской революции — лишь одна из многих иллюстраций того, что большинство представителей нации, мысля иррационально, тем не менее предпочитают склоняться на сторону тех, кто убеждает их в обратном. И в этом заключается роль квазидискурсивного постаумента национализма-мифа. Если быть совсем точным, то следует сказать, что собрание таких рациональных обоснований национальной концепции — еще одна глобальная националистическая мифология¹.

На данном этапе существования национализм не только узаконивается на «рациональном» уровне философствующими интеллектуалами-теоретиками, но также приобретает характер идеологии, создаваемой совершенно иными социальными группами — правительственными кругами, вождями восставших, церковными кругами и т.п. (не важно, идеологии светской или религиозной). Я объединяю эти два феномена (национализм как теория и как идеология) в одну стадию, поскольку их практически невозможно разделить. Мыслители, разрабатывавшие националистические концепции, почти всегда придавали им идеологический, доктринальный пафос, как правило окрашенный в тона веры, что придавало им еще большую прочность и устойчивость к неблагоприятным воздействиям, а религии, наоборот, часто подводили под свои националистические (этноцентристские) побуждения теоретическую базу². В древности так было с Платином, Конфуцием, Буддой. Последний, например, взяв за основу мифологический национализм в ведической культуре, придал ему сакрально-акроаматический характер, чем сделал его предтечей эстетических учений и практик Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии,

¹ Я употребляю это слово в смысле антологии разнообразных мифов, связанных по содержанию, образующих единое целое и несущих некоторую законченную идею и интенцию.

² Например, христианство, ветхозаветная древнееврейская религия, мусульманство, отчасти даже буддизм.

доминирующих вплоть до современности. Наверное, можно с полным правом сказать, что без Будды Веды «ведали» бы в культуре далеко не все и сейчас не существовало бы никаких национальных культурных традиций Индии и Индо-Китаю, за исключением, возможно, незначительных островков брахманистских течений¹. Если примеры подобного теоретико-идеологического использования национализма встречаются даже в древности, то национальная история современного мира просто изобилует ими. Однако не следует путать рассматриваемые религиозно- или светско-социальные идеологии с политическими и государственными принципами, характеризующимися другими признаками, о которых речь пойдет дальше.

Национализм как политическая (государственная) доктрина и практика

Следующий уровень развития национализма описывается одним из определений Геллнера, согласно которому он является политическим принципом [Gellner 1983: 1]. Национализм стал политической конструкцией, выражающейся, прежде всего, в официальной идеологии и законодательстве, а также в неформальной государственной практике. И опять мы сталкиваемся с ситуацией, свойственной национализму как теоретической или идеологической конструкции: такая его форма характерна как для национального строительства XVIII–XX вв., так и для формирования этнических сообществ, проходившего в различные времена. Однако, несмотря на сходство, здесь проследживается и различие между этносом и нацией: далеко не всегда этнические группы были политизированными сообществами, в то время как нация по своему определению характеризуется исключительной политической заинтересованностью всех или почти всех ее представителей. У разных наций с этническим прошлым трансформация националистических идей в политическую доктрину могла происходить в *совершенно* разные эпохи, начиная с глубокой древности и кончая Новым временем: она осуществлялась и в Древнем Египте, и в Англии при Генри II, и в Германии в постнаполеоновский период. У наций без досовременной истории использование национализма в качестве государственной доктрины или политической программы логично следует за теоретико-идеологическим уровнем его развития, причем слияние государственных практик и националистических принципов происходит мгновенно, если к моменту начала конструирования нации существует государственная независимость. Если новая нация ей не располагает,

¹ Как, например, обрядово-мистические действия современных представителей секты убийц-душителей *тагов* — почитателей кровавой богини Кали.

то самым главным политическим проектом националистов становится обретение собственного государства, а все прочие националистические программы ставятся в подчиненное положение по отношению к политической.

Политический уровень этнификации совершенно необязательно приводил к формированию нации, более того, чаще бывало как раз наоборот. На протяжении истории Древнего мира и Средневековья одни государства рушились, на их месте образовывались другие, этносы ассимилировались, перемешивались, исчезали и появлялись, иногда восставали из пепла подобно птице Феникс, а национальности так и не складывались. Но существовали и такие государства, в недрах которых, развиваясь более или менее длительный период времени, складывался фундамент будущих наций (к примеру, ряд европейских монархий, Россия, Китай, Индия, Османская империя). Для последующего образования наций в этих государствах национализм как государственная доктрина и практика был крайне важен.

Джон Бройи, сделавший большой вклад в изучение национализма как политического феномена, полагает, что национализм — это только политика, и не интересуется никакими другими его аспектами. Считая, что до XVIII в. политическое действие обосновывалось только в династических или религиозных терминах [Breuilly 1993: 3–10], Бройи делает вывод, что если до XVIII в., начиная с эпохи позднего Средневековья, и существовало нечто похожее на национальное сознание, оно не являлось национализмом. Однако, высказывая подобные мысли, Бройи словно не желает замечать очевидности существования политически значимых древних и средневековых этноцентризмов. Если Столетнюю войну описывать только в рамках междинастической конкуренции, то как объяснить невероятную социальную мобилизационную силу призывов Жанны д'Арк, апеллировавшей к сплочению французов во имя «народной идеи», и ее успех у Карла VII, жаждавшего проявить себя на *политическом* поприще? Если Голландское восстание основывалось только на религиозных противоречиях католиков и кальвинистов, как удалось графу Ламораалу ван Эгмонту не только поднять голландский народ на войну, но и создать *политическую* националистическую программу, заинтересовав идеей этнической независимости от Испании Вильгельма I Оранского и графа Монморанси де Хорна, определявших политический курс Нидерландов? Одним словом, довольно серьезная работа Бройи «Национализм и государство» несколько однобока из-за бескомпромиссного модернистского подхода автора. Однако она дает серьезный повод задуматься о действительных отличиях этносов и современных наций.

Национализм как причина формирования наций

Если все описанные разновидности национализма можно найти и в изобретении донациональных сообществ, и в конструировании настоящих наций, в чем же тогда состоит принципиальное различие между ними? Российский исследователь В. Межуев с инструменталистских позиций предлагает довольно убедительный критерий разделения понятий «этнос» и «нация»: «*Нация, в отличие от этноса <...> это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию — выбираю, могу выбрать <...> Нация — это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность*» [Межуев 1992: 74]. Бройи [2002: 205–211] высказывает нечто подобное, пытаясь доказать, что этничность основывается на родстве и в этом состоит ее принципиальное отличие от национального сообщества. Но подобное разграничение неуместно с позиций исторического конструктивизма, в рамках которого этническое сообщество не дается фактом рождения, а также выбирается, хотя этот выбор во многом отличается от выбора нации и происходит не столь легко, как последний.

История этносов опровергает точку зрения Бройи и Межуева. Пророк Моисей в древности, король Артур в раннем, а Ричард Львиное Сердце в позднем Средневековье, Катерина Арагонская в эпоху Возрождения, Вильгельм Оранский и кардинал Мазарини в новоевропейский период, Амадей I Савойский в новейшее время — все они оказывались в ситуации выбора не нации, а этноса. Если критики данной точки зрения возразят мне, что Мария Антуанетта была ненавидима французской *нацией* за ее подчеркнута австрийскую национальность, не трансформировавшуюся во французскую, то Генриетта Мария, оказавшаяся в похожей ситуации на 150 лет раньше, явно не могла быть презираема английской *нацией* за подобные грехи, поскольку самой нации как таковой не было. Таких примеров не единицы, а тысячи, и они свидетельствуют о том, что объяснение различия нации и предшествовавших ей сообществ с позиций классического модернизма не совсем правильно. В самом деле, если бы этнос давался от рождения *ipso facto*, вряд ли возник бы легендарный образ «вечного жида» Агасфера (человека без этноса), присутствующий в эпосе *практически всех* европейских стран.

Я предлагаю проводить делинеацию между этносом и нацией по:

1) характеру включения большинства представителей сообщества в политические программы;

- 2) типу функционирования политического национализма;
- 3) отношению к гражданству и государственности;
- 4) характеру самовосприятия относительно других подобных сообществ;
- 5) критерию институциональности.

Энтони Смит, до некоторой степени консолидируясь с точкой зрения перенниалистски настроенного исследователя Адриана Гастингса [Hastings 1997: 25–31], выделяет несколько иные черты наций, которых нет у этнических общностей:

- 1) четко определенная территория «родины»;
- 2) народная культура;
- 3) экономическое единство;
- 4) законные права и обязанности для каждого представителя сообщества [Смит 2004: 357].

Нельзя не согласиться со Смитом насчет первого пункта, который включается в моей классификации в пункт (4). Действительно, нация обязательно воспринимает себя как ограниченное сообщество с четко очерченными рубежами, за пределами которых *a priori* признается необходимое существование других наций. Привлекательность и даже очарование национализма как политического принципа — именно в многообразии и разнообразии национальных сообществ (этого лишен, например, национализм как миф). В то же время многие донациональные конструкции характеризуются тем, что претендуют территориально на весь мир, континент или хотя бы на географически отграниченный регион Земли. Приведу небольшой исторический пример. Как известно, Наполеон после краха похода в Россию в 1813 г. все-таки потребовал от коалиции признать *этническую* территорию Франции, узаконенную Карлом Великим в соответствии с принципом «естественных границ» (определяемых Рейном и Альпами). По этому принципу к Франции должен был отойти весь левый берег Рейна: Бельгия, часть Нидерландов, значительная часть западных земель Германии, а также Савойя, Ницца и часть Швейцарии. При этом Франция с IX в. никогда не располагала такой территорией.

Другие нации необходимы для самоопределения некоторой национальной группы: реальные границы существуют только тогда, когда за ними различимо нечто Другое.

Наличие народной культуры — другой признак разграничения этноса и нации, по Смицу, — должно пониматься в смысле тождества «народная = массовая культура», только тогда оно действительно может выступать в роли разграничителя, да и то лишь для эпохи модерна. Говорить об экономическом нацио-

нальном единстве сегодня, тем более выделять это в качестве критерия отличия в условиях экономической глобализации, с моей точки зрения, не совсем корректно. Оговоренные законом права и обязанности (четвертый пункт Смита) в некотором роде сходны с моим пятым пунктом: подобное законодательство может существовать только при наличии системы современных национальных институтов, которые отсутствуют в этнических сообществах. Национальная идентичность может конструироваться, существовать и поддерживаться только при непосредственном участии современных институциональных форм социальной жизни и наличии соответствующих институтов, связанных с представительными формами власти, судом, образованием, здравоохранением, правоохранением, рынком труда, медиа-коммуникациями и т.д., поэтому пятый пункт моей системы следует считать самым главным отличием этноса от нации.

Отношение к государственности и основанное на этом гражданство — также особенность исключительно национальных сообществ. Представители многих форм этнических групп не только были безразличны к идее этнического государства, но и сегодня относятся к ней с подозрением и враждебностью (как, например, папуасские племена с острова Новая Гвинея). Национальная концепция неотъемлема от четко определенного гражданства, и любые формы современного национализма непременно включают идею независимой государственности.

С этим опосредованно связаны и первые два пункта предложенной мной классификации различий этнических и национальных сообществ. Первый пункт подчеркивает глубокую политическую заинтересованность большинства представителей нации и связанное с этим их стремление влиять на ход конструирования национальных политических программ. В этнических сообществах ничего этого не наблюдается: представители этноса не интересуются этническими принципами как *политикой*, проявляя свое участие лишь в националистических аполитизированных мифологиях, идеологиях и движениях *per se*. Второй пункт отмечает активную форму действия национализма «во имя нации» как политического принципа, который предусматривает межклассовую заинтересованность, информирование общества и естественное подключение его к процессу формирования нации по принципу «от интеллектуалов (правительственных кругов) к массам», а также планомерно осуществляемую мобилизацию всех социальных сил. Этноцентристские политические проекты совершенно не предусматривали такой «просветительской работы» в отношении масс и их мобилизации, оставаясь предметом деятельности высших светских или церковных кругов.

Национализм как защитный барьер наций

Убежден, что предложенные мной критерии должны составлять основу любой типологии делинеации понятий «этнос» и «нация». Что касается национализма как защитного барьера национальных сообществ, то его особенности принципиально не отличаются от национализма как причины их формирования. «Эволюция» национализма не заканчивается на создании наций; он продолжает жить своей жизнью и тогда, когда всем кажется, что национальное сознание уже непоколебимо утверждено в уме всех социальных групп, образующих нацию. Пусть нации сформированы (или создана убедительная иллюзия этого), при этом они не защищены от экспансионистских действий других национализмов. Более того, даже когда процесс строительства национальных сообществ еще не завершён, те или иные из их числа могут подвергаться сильному воздействию со стороны «чужих» национализмов.

Взаимное проникновение и смешение разнородных национализмов может быть и относительно безопасным для наций, и представляющим им серьезную угрозу, при этом расшатывание национальных сообществ может осуществляться как внешними, так и внутренними националистическими противоречиями. После распада СССР в 1991 г. некоторые государства Восточной Европы и Прибалтики оказались в ситуации «сцепленных» националистических программ, имевших в своей основе антисоветские настроения. Из-за этого формирование многих социальных институтов в них проходило по похожим сценариям. Это пример «мирного» взаимодействия национализмов. Но есть множество примеров, когда строящиеся нации оказывались поглощенными или деформированными более агрессивными «соседними» национализмами. Например, образование бельгийской нации оказалось на 15 лет отсроченным, поскольку Венский конгресс дал *carte blanche* французской и, в первую очередь, голландской националистической политике [Madelin 1937–1954: vol. 16]. Другой вид угрозы нации — угроза «изнутри» со стороны своего же национализма. Фашистские режимы XX в. — наиболее яркие примеры такой угрозы. Менее заметным, но, пожалуй, не менее трагичным был процесс подрыва американской национальной идеи со стороны американского же национализма, осуществлявшийся в течение нескольких десятилетий перед Гражданской войной.

Национальная культура не исключение, и, если она не будет надежно защищена своим национализмом от негативных внешних и внутренних факторов, ей грозит участь быть либо поглощенной более сильной культурой, вступившей с ней в

единобратство, либо стертой из памяти своей нации в силу внутренних противоречий национализма.

Библиография

- Барт Р.* Миф сегодня // Барт Р. Мифологии. М., 2000. С. 321–458.
- Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / Под ред. Г. Балакришнана. М., 2002. С. 201–235.
- Бэкон Ф.* О мудрости древних // Бэкон Ф. Избранные произведения. Минск, 1999. С. 121–214.
- Волкогонова О.Д.* Есть ли будущее у русской идеи? // Мир России. 2000. Т. IX. № 2. С. 52–74.
- Гачев Г.Д.* Миф. Национальный. Индивидуальный. (Опыт экзистенциальной культурологии) // Миф в культуре: человек — не человек. М., 2000. С. 37–63.
- Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. СПб., 2001.
- Межуев В.М.* Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5–6. С. 69–85.
- Найдыш В.М.* Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М., 2002.
- Смит Э.* Национализм и модернизм. М., 2004.
- Хейзинга Й.* Homo ludens. М., 2004.
- Хюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению. М., 2001.
- Armstrong J.* Nations before Nationalism. Chapel Hill NC, 1982.
- Barth F.* (ed.). Ethnic Groups and Boundaries. Boston, 1969.
- Breuilly J.* Nationalism and the State. Manchester, 1993.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
- Hastings A.* The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997.
- Madelin L.* Histoire du Consulat et de l'Empire à 16 vols. Paris, 1937–1954.
- Smith A.D.* National Identity. Harmondsworth, 1991.
- Smith A.D.* Nationalism, a Trend Report and Annotated Bibliography // Current Sociology. The Hague, 1973. Vol. 21. № 3.
- Smith A.D.* The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge, 1981.
- Smith A.D.* Theories of Nationalism. London, 1983.
- Smith A.D.* The Origins of Nations // Ethnic and Racial Studies. 1989. Vol. 12. № 3. P. 340–367.